

Труд, творчество, борьба

Мы все чаще и чаще — это вполне естественно в наши годы великих трудовых бит — вспоминаем, говоря о Горьком, замечательные слова, произнесенные им в 1928 году в Тбилиси: «Был бы я был критиком и писал книгу о Максиме Горьком, а бы сказал в ней, что сила, которая сделала Горького тем, что он есть... заключается в том, товарищи, что он первый в русской литературе и, может быть, первый в жизни вот так, лично, повывающий значение труда, образующего все ценнейшее, все прекрасное, все великое в этом мире». Эти слова приобретают для нас особенно волнующий смысл, если мы вспомним, что они были произнесены в том городе, где Горький начинал свой творческий путь, когда был сначала молотобойцем, а затем мастерком Тифлиских железнодорожных мастерских. Сам Горький никогда не забывал об этой важной, решившей его судьбу поре его жизни. То, что было им так ясно сформулировано в 1928 году, он высказал на языке искусства еще в 1901 году, создав образ машиниста Нила, в котором было что-то и от тифлиских железнодорожников — друзей Горького, и от него самого, молотобойца кузнечного цеха, и в котором все это осветилось зарницами начавшегося революционного подъема. С какой силой зазвучали тогда слова Нила о радости жизни, о радости, которая в том, чтобы быть молотом по красной, жгучей массе металла, чтобы мчаться на паровозе осенними ночами сквозь дождь и ветер, и главное, в том, чтобы «вмешаться в самую гущу жизни... тому — помешать, этому — помочь».

Труд и творчество изображались и до Горького, но высшее, чего достигла предшествующая литература, заключалось ли бы в сочувствии людям труда, когда труд понимался только как бремя, либо в прославлении творчества, когда оно понималось только как нечто духовное. Горький первый показал труд как творчество, раскрыл его духовное и эстетическое содержание и начал тем самым новую эпоху в мировом искусстве. Когда будет написана история советской литературы, станет ясно, какое огромное значение имела для советских писателей горьковская героическая поэзия труда. Тогда раскроется с новой стороны роман Гладкова, показавший поэзию трудовых процессов; «Педагогическая поэма» Макаренки, созданная под прямым влиянием Горького и рассказывающая о могучей воспитательной силе «школы труда»; своеобразные произведения Нилына, где вся действительность, каждый предмет, каждая вещь даны как воплощенные человеческие деяния; замечательные сказки Бажова, ограниченные художником в богатстве рабочего фольклора; и все многообразие создания советских писателей, выражающее новое мироощущение советского человека, который, по выражению Горького, «наполняет время своей работой и осязает весь мир как свое хозяйство».

Но еще большее значение имеет то, что в произведениях Горького пафос творчества оказался неразрывно слитым с пафосом борьбы, что Горький признал достоинством высшего наименования творчества лишь тот труд, лишь ту науку и то искусство, которые направлены на вышестоящее «в самую гущу жизни», на благо народа.

Вот почему он рисовал как подлинного творца рабочего-революционера Нила и вот почему он, в сущности, отказываясь в праве на это наименование «детям школы» — тем ученикам и писателям, которые пытались спрятать от жизни в «науке для науки» или в «искусстве для искусства». В образе Протасова в пьесе «Дети солнца» Горький показал ученого, который стремился разгадать загадки природы, но оторвался от всего, что происходило вокруг и становился жалкой, трагической фигурой. Горький не отрицал благих намерений Протасова, но тем более сурово осуждал в нем тип ученого, чуждого подлинно революционной, подлинно творческой науке.

Фигуры такого рода Горький изображал в своих произведениях не раз. Писатель Мстакон в пьесе «Чужаки» произносит много хороших слов о радости творчества, о презрении к страданиям, о необходимости видеть и показывать светлое в жизни. Он даже верит в эти свои слова, хотя в «замете для артистов» Горький сделал характерную оговорку о Мстаконе: «есть каждый данный момент искренен». Но Мстакон не борется со злом, а отворачивается от него, он сам признается, что он «хитрый», что он играет роль «благонного и дурачка», пытаясь от ответственности за свои поступки, за все, происходящее вокруг. И его творческая программа соответствует этой его жизненной позиции: он хочет рисовать светлое в жизни, но решительно отказывается от задач критики и борьбы. Он говорит: «Я же не сатаник!» Мы лучше поймем значение этих слов Мстакона, если вспомним, что сам Горький говорил в те годы о необходимости «нового Шедраина» и создавал такие произведения, как «Городок Окуров» и «Русские сказки». К Протасову и Мстакону близок и герой незавершенной пьесы Горького «Яков Богомолов» — инженер, мечтающий о преобразении природы, но не видящий, не желающий видеть, кому и чему служат в действительности все его деятельности.

Говоря о Богомолове и о персонаже другой горьковской пьесы — арестанте Сомове, тов. Юзовский писал, что это — «две фигуры, о которых можно сказать, что они поэмически направлены друг против друга и представляют две непримиримых точки зрения на мир», что в их лице «враждебные философии воплотились в стальные друг с другом». Что же это за «враждебные философии»? О «философии» Сомова долго говорить не приходится, это — чистейший фашизм. А философия Богомолова? Это, оказывается, — социализм, коммунизм. Ибо Богомолов говорит о радости труда и творчества. «Сила Богомолова не в негативности, отрицании, сатире, критике; его дело — утверждение положительного начала в жизни», — указывает при этом критик. — О Богомолове можно сказать, что он младенец, устами которого

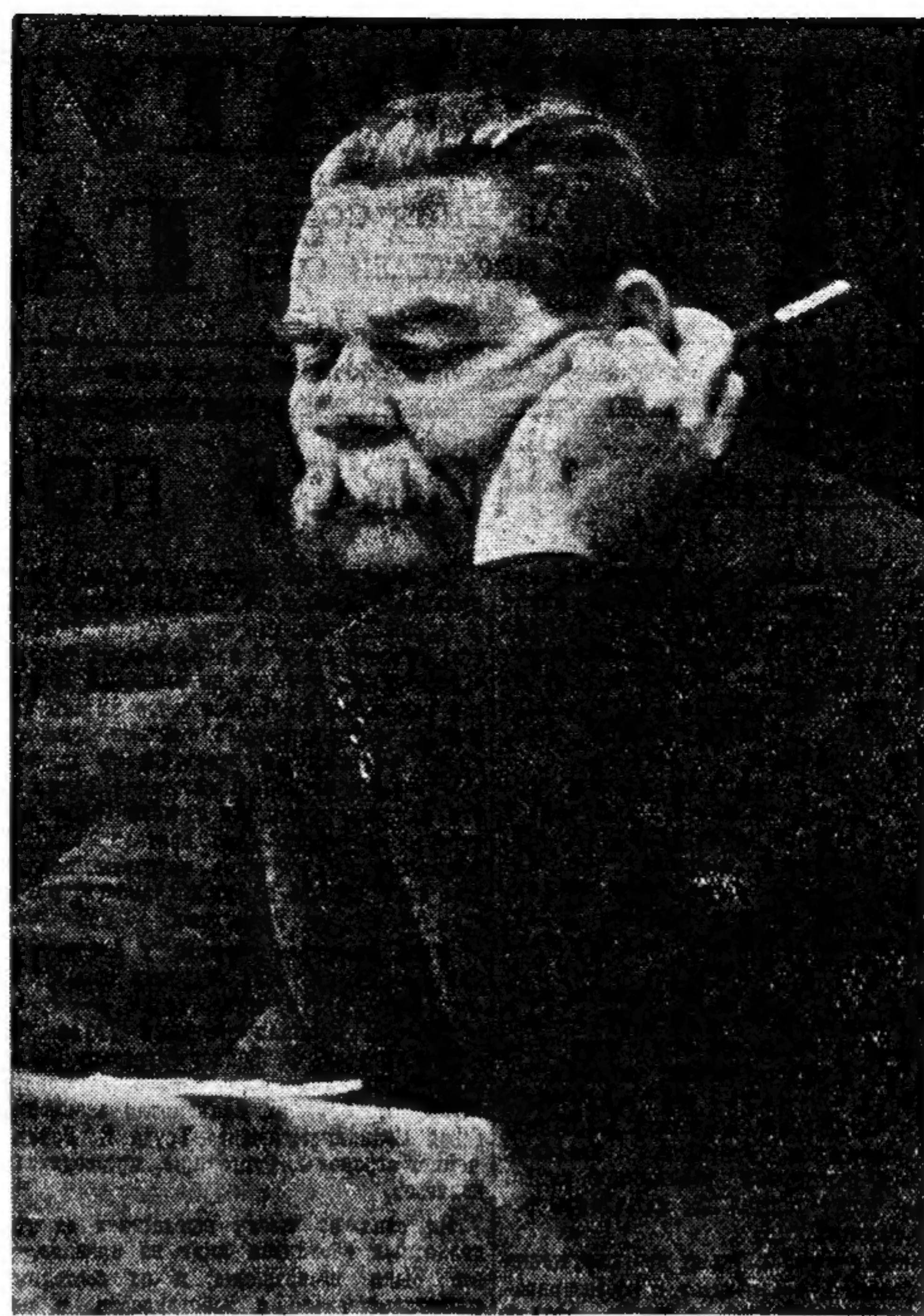
глаголет истина — истина, принадлежащая Горькому¹. Но в чем же заключается истина Горького — в том, что человек, пусть даже искренне, говорит о радости труда, но не способен бороться за то, чтобы труд стал действительно радостью? В том, что человек говорит о своей творческой деятельности, не замечая, не желая замечать той «детали», что сам он, практически, лишь слуга жалкого тунеядца? В этом всем — истина Горького! Может быть, не стоило бы вспоминать о статье, из которой здесь приведены цитаты, если бы не одно обстоятельство. Статья эта не прошла бесследно, она оказала определенное влияние на группу наших актеров, поставивших несколько спесей из пьесы «Яков Богомолов». Эта постановка находится в полном соответствии с указанным взглядом на героя пьесы. Здесь не передана вся сложность горьковского отношения к этому герою, здесь не звучит ни малейшей нотки осуждения по его адресу. Можно ли удивляться тому, что автор статьи «Сомов и Богомолов» откликнулся на эту постановку восторженной статьей «Испытание сценой»? Так «испытаны» друг друга критик и актеры, — посмотрим, однако, как «испытаны» эту проблему сама жизнь.

Напомним, прежде всего, что такие образы Горького, как Протасов и Богомолов, отражали явления старой русской действительности и свидетельствовали о борьбе Горького против мнимой «накалосовой» позиции «детей солнца», против «науки для науки» и «творчества для творчества», заключавшей в себе, вместе с тем, важное полемическое содержание. Они, эти образы, были противопоставлены тем фигурам, которых сочувственно рисовали в своих произведениях некоторые западноевропейские писатели конца XIX и начала XX века, — фигурам интеллигентов-гуманистов, проникнутых стремлением «творить добро», но органически не способных бороться со «злом жизни». Авторы таких произведений, отмечая этот недостаток своих героев, выражали им сочувствие, но не осуждение, ибо сами занимали, в сущности, такую же позицию и не могли или не хотели подняться до революционного гуманизма, гуманизма борьбы. Действительность уже не раз показала, что такая позиция почти всегда приводила к капитуляции перед «злом жизни» и что Горький был совершенно прав в своей переноске «детей солнца», в изведении их из трагического в трагикомический план. Действительность сегодняшнего дня, судьба ряда «мастеров культуры» Западной Европы и Америки подтвердили это с особенной наглядностью. Разве мы не видим сейчас, как буржуазные ученые, помогающие агрессивнейшим силам империализма готовить орудия массового истребления, пытаются оправдаться ссылками на «накалосовую», «общечеловеческую», «космополитическую» ценность достижений науки и техники? И что меняется на деле от того, искренен ли при этом тот или иной ученый, или только «в каждый данный момент искренен» или просто лицемерит, — факт остается фактом: их богомоловы не только не останавливаются «конечно» с их соображениями, а ужались с ними и помогают им.

Вот, одних слов о значении, о радости, о величии труда мало! Они остаются пустым звуком, если труд не соединен с борьбой за распространение труда, если творчество не подчинено ясно осознанному передовым классам целям. Значение Горького заключается не только в том, что он раскрыл и показал духовное, философское, эстетическое содержание труда, но и в том, что так же глубоко раскрыл и так же ярко показал его общественно-политическое содержание. Роль труда в процессе очеловечения человека — именно эта тема наша свое всестороннее освещение в работах Ленина и Сталина, посвященных социалистическому соревнованию, в их высказываниях о ростках коммунистического отношения к труду. Люди работают у нас не на эксплуататоров, не для обогащения тунеядцев, а на себя, на свой класс, на свое, советское общество, где у власти стоят лучшие люди рабочего класса, — говорит товарищ Сталин, обращаясь к стахановцам. Поэтому то труд имеет у нас общественное значение, он является делом чести и славы». Вот это общественное значение труда, которое одно только и может превратить его в подлинно свободное и подлинно радостное творчество, — первый раскрыл в художественных образах Горький.

Не случайно в последних больших произведениях Горького — в «Мои университеты», «Деле Артамоновых», «Жизни Клима Самгина» — даны такие замечательные картины коллективного труда. Не случайно здесь играют такую важную поинципиальную роль зарисовки редких моментов, когда радость творчества вспыхивала в народе даже в условиях старой полновольной жизни. На этих страничках горьковских эпопей лежит ответ статей Ленина о социалистическом труде. А посвященные этому вопросу разрозненные выступления Горького последних лет были прямыми откликами на высказывания товарища Сталина о труде как деле доблести и героизма. Это проявилось в особенной силой в докладе Горького на съезде советских писателей, где главное значение имеет, в сущности, указанная тема: о труде как великой силе, очеловечивающей человека. Для того, чтобы «выпрямить» человека, «выпрямить» его духовно и превратить в Человека с большой буквы, — необходим социалистический труд. Вот этому новому, невиданному труду, такому труду, о котором прежде можно было только мечтать, — и шел слух Горький.

И если в социалистическом труде заключены уже зерна коммунизма, и если именно Горькому было первым дано запечатлеть это в искусстве, то разве не ясно, что значение его творчества не может уменьшаться со временем? Напротив, значение его будет расти и расти с каждым новым шагом вперед, с каждым новым приближением нашей страны к коммунизму.

Алексей Максимович Горький

Л. ПАСЫНКОВ

Из встреч с Горьким

Машина остановилась, потому что на дороге стоял Алексей Максимович. Он в серо-голубой рубашке, повязанной светлым шерстяным галстуком, в светлом костюме, в изысканной туфетке, в туфлях светлой кожи итальянского покроя, мягких и удобных для больных ног.

Наклоняет голову к окнушку автомобиля. За стеклом вижу усы, выцветшие на солнце лет и Сорренто, жаловатые усы старика. Горький всегда сутулится, было это, казалось, не только от худобы, недуга, но и от выпячивания вешам, к людям, к которым прислушивался, как музыкант к звуку струны. И теперь он наклонился крылато; открывавшую дверь придерживает рукой, рука его бледна.

Мне грустно видеть его стариком. Когда-то не узнал его, когда увидел впервые. Влюбленный в его ранние портреты, я увидел тогда сорокалетнего Горького в крахмальном белье, стриженого, без кудрей — и не то что пережил некое разочарование, а должен был потратить минуту, чтобы примириться с тем, что мой Горький, автор многих томов любимых книг, уже немолод.

Он стар. Горький стар? Жаль! Я прощаюсь с тем, что мне уже давно не принадлежит, — с моей читательской молодостью, с тем временем, когда арзамасскими руками разрезал латоревые книжки «Знамя».

Позже гости пошли купаться на Мокшину-реку, сжику с хозяином на пломбированные лестницы; Алексей Максимович расширяет о протом, осторожно осведомляется о работе. Говоря о Кавказе, переживает беседу своими кавказскими историями.

Вот вы пишете о пережитых рода, — говорит он, черта бескаблучной туфель по земле. — Один бы там нездоров человек, верно? — Теперь этого нет.

Разумею! Нет и не может быть. Но все ли сделано? Человека надо приобщить — пусть делает хоть самое незачатое, но общее, советское дело, и непременно — пообширившись...

Помогаешь? — Скажите, пожалуйста, это ж он был, человек, в своем роду? Помните, у Успенского справка о наличии лошадей у бедных крестьян — не лошадь на двор, а лошадиная дробь.

Пожалуй, так. Пожалуй, вы — правильно. Что ж чувствовал этот человек? Чувствовал, вероятно, — так, мод, в должно быть!

Горький стел начерченное на земле: — Отсюда видно, как огромна роль Носифа Сталина. Человек он — преследующий в людях дробь, в вылит он не только назначением человека, а и значение. А это очень, очень важно...

в известность. Вещь портативная, легкая...

— Этого не будет, Алексей Максимович.

Ему не нравится печаль, он притворяется и хлопает себя по спине: — Будет. — И выпрыгивает, говорит якобы зычно: — Всепрощено! Аллюжневые сердца, а? Предпочтительно два имени: они не дороги, одно ношу в груди, другое запасное — в жилетном кармане. Если нужно — замени, дальше пошел. Практично и удобно, чорт возьми.

Прервав свой обед, состоящий преимущественно из хлеба и огулов, он приподнял белые карманы с наклеенными лиловыми бумажными рисунками: олени, самоеды, доллары. Это детские рисунки, скопированные писателем Всесоюзного Детизма. Горький с радостью говорит о детях, их тапачивших и как бы преждевременных способностях.

После обеда Горький, не желавший, видимо, чтоб я знаясь, обращался к нему и громко, к моему ужасу, говорит: — А помните «Клязьму Муху»?

Помню, — говорю, делаясь, — но вы-то... как вспоминали?

— Да уж помню, — Алексей Максимович поглаживает усы.

В 1915 или 1916 году я принес ему роман «Клязьму Муху» — произведение пораживающее; первым оно поразило и уложило автора. Горький тогда мне коротко сказал, что исторические романы некто Флорен писал лучше меня. Я в этом не сомневался, но, улыбаясь о Флорен, сжался.

Алексей Максимович поглаживает усы, не спуская пристальных глаз: — Здорово наворочено было!

Чувствую, мою работу он лучше помнит, чем я сам. Неужели за эти шестнадцать громадных лет, жияя исключительной жаждой среди исключительных людей, он сохранил в бездонной и подробной своей памяти неужду одного из бесчисленных своих посетителей, молодых неумелых авторов.

Думаю, что Алексей Максимович через всю жизнь помнит людей не только по именам-отчествам, особенностям; и тут не просто пенная, натая, как пять наплевцев и ладошка, память, а память стуго творческой, так как Горькому для подтверждения его идей нужен огромный материал. Так вот какая нужна структурная почва, выражаемая языком агронома, чтоб возвышалась такая обильная, всегда обильная урожай чувств, мыслей.

Вспомню тему, предложенную мне Горьким летом 1916 года.

Взять семью. Непременно маленький городок, по-своему серьезный, по-своему живописный. Родоначальник семьи затеял из местных торфов готовить картон и оберточную бумагу или, к примеру, строить кожаный завод... Жестокостью родоначальник скопил деньги — жестокостью и некоем семействе. Вот возит бумагоделательную машину; сам хозяин подставил, для примера рабочим, плечо, а машина и завалилась.

И наш хозяин, — говорит Горький, все еще не глядя на гостя, блуждая взглядом по окнам, — тут и дал маленького соку. Но машину все же поставили. Хозяин подчинился. И, когда двинул рабочих, вспоминали ему, как сам он искал под машину...

— Вы, конечно, по-своему... по-своему постройте, — нетерпеливо говорит Алексей Максимович и взглядывает. — Начал с портрета, непременно продолжайте портретами семьи. Слестные, жалкие существа, ничтожные и обильные смерти.

Он встал, стронул краем пиджака мундштук папиросы в роняя ее на пол:

— Ворота представляют себе железные, кованные, крытые маянкой. А? И замки на воротах. Зачем! Ис один замок, — протестует Горький, — на одном засове два замка — один другого пудовей. Гм, — Алексей Максимович поднимает мундштук.

А на дворе — истощенный из соседнего

В украинском селе Мануйловка

После смерти Алексея Максимовича Горького колхозники украинского села Мануйловка Полтавской области решили организовать в одной из хат комнату музея А. М. Горького в Москве прислал в Мануйловку экспозиционный материал и бост Алексея Максимовича работы скульптора Н. Грандзевской.

С тех пор ежегодно, 18 июля (дата смерти писателя), в Мануйловку со всех концов Украины съезжаются чествовать память А. М. Горького тысячи людей. На митинге перед музеем выступают представители партийных и советских организаций и местные колхозники, среди которых можно узнать Алексея Максимовича.

В конце 1896 года Горький тяжело заболел обострением туберкулеза легких, первые признаки которого у него появились еще раньше. Врачи препарили немедленную отправку его в Крым. Денег не было. Получив на Литфонда сто рублей суды, мы приехали в Крым и устроились в пансионе в Алушке.

Первое время болезни, туго подлавалась лечению. Перелом наступил лишь после того, как Алексея Максимовича начал лечить доктор Александр Николаевич Алексин, который вызывался из Ялты к наиболее тяжелым больным.

Большую часть дня, по совету Алексина, Алексей Максимович проводил в парке. Как-то к нему подошла немолодая стриженная дама с крупными чертами приятного лица. У нее был фотоаппарат, которым она усердно снимала виды парка. Ей хотелось сфотографировать и Горького, на что он согласился с неохотой.

Это была Александра Андреевна Ордоевская, урожденная Пиринская-Шихматова из Мануйловки. Весной, уезжая к себе, она уговаривала нас провести лето в ее родном селе. Рассказывала о природе, о чудесной реке Исид, говорила, что там можно дешево и удобно устроиться.

Так мы поехали в Мануйловку и прекрасно провели лето. В Мануйловке родился наш сын Максим.

Алексей Максимович быстро переизменился с наиболее передовыми крестьянами, устроил хор из парубков и дивчат, возникла мысль ставить спектакли. Работы закипела. Сами шли костюмы, раскрашивали декорации. Алексей Максимович был и за режиссера, и за актера.

Ставили «Мартына Борулю», «Пазара Стодола» и другие украинские пьесы. Ставили и русские — «Чужое добро впрок не идет». Устраивали импровизированные концерты. В пьесах и концертах участвовали местные крестьяне, учителя и неименно Алексей Максимович. Весело проходили спектакли, а еще веселее — подготовка к ним. После спектаклей часто устраивались вечеринки.

Алексей Максимович был очень увлечен этим постановками. Когда во второй раз приезд в Мануйловку, в 1900 году, я поехала в конце лета в Нижний святи на зиму квартиру. Алексей Максимович поручил мне убедить И. С. Станиславского прислать ему свой режиссерский экземпляр «Возника Гешеля», так как он задумал поставить его в Мануйловке. Прислать свой экземпляр Станиславский, конечно, не мог, да и поздно было разучивать новую пьесу. Лето кончилось, пора было возвращаться в Пнжний.

Алексей Максимович к этому времени совсем окреп, все признаки болезни исчезли.

Дружба Алексея Максимовича с мануйловцами не прошла бесследно: на многих, как мне рассказывали, влияли деятели революционного движения 1905 и 1917—1918 годов и участники подпольного движения против немецких оккупантов.

Сейчас, как сообщают мне мои старые друзья из Мануйловки, это старинное украинское село, полностью разрушенное немцами, быстро восстанавливается. Началось восстановление и комнаты-музея. Возобновились традиционные торжественные народные сцены памяти А. М. Горького в день его кончины.

Многие, о чем еще сегодня говорили — о пресловутых советских писателях, расцвете театра, трудностях, тайнах физического устройства сердца, о Кавказе и Углице, о комсомоле, о Днепротресте и постройке второй в мире платины-плоты в Аварии, в Гербейне, — все это сложилось не в день; неизменно был только один знаменитель времени — сам Горький. Все так же он видел в каждом человеке его человеческую равнозначность, все так же разговаривал с людьми без «внутренних дистанций», все так же собеседник, — кто б он ни был, — не походил в состоянии господина Прохачкина, который с Наполеоном сражался, как у Достоевского, Горький оставался для всех близким, будничным во всех бережливую любознательность.

Очень поздно. Шофер ссадил гостей, кроме меня, живущего на далеком краю Москвы.

— Читаю его книги. А что, позволите узнать, Горький выше или ниже?

— Нет. Прочтите «Мои университеты».

— Все-таки учился в университете и не закончил?

— Нет. Он и в средней школе не учился.

— Сам дошел?

— Сам.

— Та-ак!

Дого молчал шофер.

— А все ж, предвидит ему замена?

— Пока не предвидится.

Дого вернул баранку руля, петляет по улочкам; осторожно спрашивает:

— А кого первого ссадил, — как он?

— Критик.

Спрашивает:

— Может заменить?

— Нет. Горький очень большой критик, но не тот-то критик.

— А второй?

— Редактор. Хороший редактор; замочной быть не может.

— Ну, а молодой, которого туда воз?

— Очень хороший писатель.

— Не может?

— Нет! Горького не может...

Спусти минуту:

— Извините. Давно вы работаете?

— Большие двадцать лет.

— А себя как полагаете?

Смеется:

— Васчет «заменим» — ни-ни...

— Вот какое дело, — с грустными наумлением протягивает шофер.

Он говорит так, точно великие учителя жизни, несмысленной громадности писателя не должны переводиться, так как это — в убыток государству.

— Может быть, скоро будет?

— Нет Горький — неповторим.

Шофер, словно о укоризной, молчит до самого Найдюлова.

Стожу:

— А все-таки, счастливый вы, — выхвачает шофер. — Шестильный день проговорили с ним.

..Вспомню старика-шефара на Кронверском: 34 года назад каждому, входящему в подвал, старик говорил о улыбки сочувствия, оглаживая — не видел ли край рукописи из кармана или под бортом пальто:

— К Пешкову? Дома!

— А можно?

— Раз дома — к нему всегда можно.

— Меня он не знает.

— Эва, не знает. Он всех знает и поджидает...

Стожж парка, абхазен на Афон, — вслед удаляющемуся с молодыми людьми Горькому:

— Каждый год жизни отдаст бы ему... я уже считал провозжающих: хватало б ему!

И еще раз сосчитал провозжающих глазами, с изумлением простого, но невыполнимого желания, призывая:

— По погода, вижу, отдадут, я то хвайт. Ему б хорошо, и всякому человеку хорошо бы!

РАЗГОВОР С БУДУЩИМ

С. МАРШАК

В молодости — задолго до своей всемирной славы — Горький печатал в «Самарской газете» замечательные письма, проникнутые гневом и негодованием.

Алексей Максимович со всей горьковской неприимчивостью и примотой общал тех, по чьей милости 280 мальчишек — «будущих пенных граждан» — не были приняты в саратские городские школы.

«Быть может, среди них есть таланты», — говорил он, обращаясь к раздурным и глупым «отцам города».

В том же 1895 году он писал о детях, изувеченных станком на одном из заводских заводов, о беззащитных детях-заводских учениках, которые стояли перед машинами, потому что их родители «только в ругани, в толчках, пинках, подзатыльниках и выростках».

Если в последние годы своей жизни Алексей Максимович так заботился о литературе для советских детей, то и полвека тому назад он много думал о детях. Он хлопотал о школах для ребят городских окраин и в мастерской для деревенских мальчишек и девочек, самодельные альбомы, наклеенные на чистые странички рисунков из журналов.

С молодых своих лет он с полной ясностью представлял себе огромные воспитательные задачи писателяского дела и те большие обязанности, которые лежат на каждом взрослом человеке по отношению к ребенку.

Он замечал детские беды, мимо которых многие проходили равнодушно.

Помню, я видел у него на столе баню, приготовленную к отправке в какой-то глухой городок на имя мальчишки. В баню было два экземпляра «Детства».

Оказалось, у мальчишки случилась беда: он потерял библиотечный экземпляр этой повести и в советском отделе решил скупить в Москве самому Горькому.

Алексей Максимович откликнулся без промедления. Он всю жизнь помнил, как трудно доставалась книга Алексея Пешкову!

В 1905 году, когда я был учеником издательской гимназии, он прислал ко мне двух нарядных мальчишек лет десяти и попросил учить их читать.

— Понимаете, приходят и говорят: «Максим Горький, учите нас грамоте!» А мне, привыкшему, некогда. Уж так и быть, поучите их за меня. Славные ребята. Этих великолепных круглые затылки!..

Горький очень заботился о том, чтобы его собственный сын, которому довелось расти в нелегкую, несравненно более благополучную обстановку, чем та, в которой рос Коляша Пешков, представлял себе, как живет множество детей в тогдашней России.

Письма Горького к маленькому Максиму со всей убедительностью рисуют его отношения к сыну — мужские отношения, крупные, сочетающие в себе непринужденную шутливость с лаской серьезности.

Эти письма пропитаны верой в то, что ребенок должен понимать и выполнять общественные обязанности настоящего человека.

Вот строчки из одного письма Алексея Максимовича сыну:

«Ты устал, а цветы, посаженные тобой, остались и растут. Я смотрю на них, и мне приятно думать, что мой сыншка оставил после себя на Капри нечто хорошее — цветы».

Вот если-бы ты всегда и везде, всю свою жизнь оставал для людей только хорошее — цветы, мысли, славные воспоминания о тебе — легка и приятна была-бы твоя жизнь».

Тогда ты чувствовал бы себя всем людям нужным, и это чувство сделало бы тебя богатым душой. Зная, что всегда приятно отдать, чем взять».

Ну, всего хорошего, Максим!

Алексей.

В отсутствие отца Максим очень скучал, хоть и старался не показывать своих чувств окружающим.

Но отец догадывался об этом, и в те времена, когда большие обязанности писателя-революционера мешали его встрече с Максимом, писал ему:

«Спроси маму, что я делаю, и ты поймешь, почему я не могу теперь видеть тебя, славный ты мой!»

Алексей.

У Алексея Максимовича было много корреспондентов — пожалуй, больше, чем у кого-либо из современных писателей. И значительная часть писем, засыпавших его рабочий стол, приходила от ребят и подростков.

А между тем, Горький только изредка — считанное число раз за всю жизнь — участвовал в литературе для детей, писал сказки и шутливые рассказы.

Но зато он много думал о детях, много делал для них, щедро отдавая им время, мысли, душевную заботу.

Его ответы на детские письма никогда не бывали просто автографами знаменитого писателя.

Следовало бы подобрать и издать отдельно все его письма к детям — к своим и чужим.

Иногда это озорные, причудливые странички, словно нарочно написанные для того, чтобы порадовать, развеселить ребят, которым не слишком весело жилось.

Иной раз это дружеские советы, целая программа работы и поощрения. А подчас и суровый упрек. Таково, например, письмо к пензенским школьникам, пожаловавшим в переписку к Максиму Горькому и назвавшимся при первом же дебюте множеством грамматических ошибок.

«Стыдно ученикам 4-го класса писать так малоразумно, очень стыдно», — говорил им Горький в своем ответном письме.

Возможно, что школьники не заслужили бы такой отповеди, если бы Алексей Максимович обнаружил в их письме что-нибудь большее, чем желание получить собственноручное письмо от знаменитого человека.

Но такие ответы — редкость, чуть ли не единственный случай в переписке Горького к детям.

Горькому в немногочисленных и кривых строчках не только о своих читательских потребностях и вкусах, но и о своем житье-бытье и даже о погоде:

«Скоро картошку копать. А сено у нас сухое, под дождем не было ни разу».

— Вот это серьезный разговор, — говорил Алексей Максимович, читая обстоятельное письмо хозяйственных деревенских ребят.

А вслед за сведениями о погоде и работе колхозные ребята сообщали Горькому, что они хотели бы почтительнее к нему, как устроит вятка для самодельного бронепола, на что, в какое время и какая рыба клюет, и о происхождении земли и человека.

— Как видите, тут целая программа, — сказал Горький, и прочел вслух замечательные строки одного из писем:

«Нам хотелось бы, чтобы старые книги перепечатались, а новые чтобы были интереснее старых».

В нескольких письмах ребята просили Горького позаботиться о том, чтобы книги, издаваемые для них, были написаны «детским языком».

Выражение это понравилось Алексею Максимовичу.

— Слыхали вы о существовании такого языка? — спросил он, улыбаясь, а потом, уже вполне серьезно, объяснил, что «детский язык», о котором пишут ребята, это не упрощенный и не бедный язык, а предельно ясный, точный, лаконичный.

И объясню вам, почему, — он сразу говорит о том, что гораздо легче ответить на все вопросы детей сухими декларациями и скелетообразными конспектами, чем живыми, простыми по языку и сложными по содержанию книгами.

— А вы понимаете, из чем настанавит эти читатели, — сказал он и прочитал мне несколько писем, которые привлекали его особое внимание.

В одном из этих писем говорилось:

«Дайте же описания, а случаи».

В другом было сказано:

«Дайте в книжке всю судьбу героя, какие у него были товарищи, как вышел он в жизни свою дорогу, и была ли у него опасность и козлы».

Эти слова, сказанные от всей души, отчетливо выразили, по мнению Алексея Максимовича, те требования, которые предъявляют к детской повести люди, вступающие в жизнь. Им нужно видеть в книге «не только отдельные эпизоды из жизни героя», — но и «всю его судьбу». Им нужны приключения, опасности, подвиги, потому что сами они готовятся к жизни суровой и героической. Им нужны примеры, подтверждающие прочность дружбы.

Одним из последних попал Алексею Максимовичу в руки такое письмо:

«Дорогой Максим Горький, я очень люблю смешные книжки. Мне 8 лет».

— Аргумент весьма убедительный, — заметил Алексей Максимович. — Человеку восемь лет. Ничего не поделаешь, надо дать ему смешные книжки.

..

Горький пристально вглядывался в строчки, написанные руками детей на листках из тетрадок, как бы стараясь возможно яснее представить себе черты будущих советских граждан.

«Здравствуй племя, младое, незнаемое!»

Он умел видеть в детях будущих взрослых, и, переписываясь с детьми нашей страны, вел разговор с будущим.

..

и. УСПЕНСКИЙ

Самая уродливая цивилизация планеты...

Сытые сорока лет тому назад А. М. Горький приехал в Америку. Его приезд был значительным событием в международной жизни.

Эйтон Синклер писал, что никогда еще американский народ никого не встречал с таким энтузиазмом. Писатель выступил на митингах в Нью-Йорке и Бостоне. Темы выступлений были самые разнообразные: о революции 1905 года, о положении женщин в России, о Государственной думе, о еврейском вопросе и др. На первом же митинге в Нью-Йорке присутствовало 5.000 человек.

Алексей Максимович хотел дать американцам правдивое представление о России. Он знакомил их с действительным и провозглашал парадоксы в памфлете «Русский пар». На митингах он рассказывал американцам о России, ее парадоксах, ее богатствах.

Нондаришность Горького в Америке была столь велика, что, для наведения обществу мнению, президент Т. Рузвельт назначил ему прием в Белом Доме. Правящие круги Америки и ее плутократия с Уолл-стрит ждали от Горького хвалы прославному великому американскому «демократии» и американским «свободам».

Но жившая пропаганда американских «свобод» и «демократии» не обманула писателя-революционера. Горький сумел разглядеть подлинное лицо американской буржуазной демократии и американизации.

Центр мировой реакции ныне переместился в США. Этот процесс подготавливался издавна. И сорок лет назад, когда еще мировая реакция господствовала в европейских странах, Уолл-стрит уже был одной из ее могущественных баз. Горький увидел, что «Новый Свет» обманет теми же пороками, что и «Старый», но в более грандиозных масштабах. В момент приезда писателя в Америку капиталистическое «правосудие» готовило классовую расправу над двумя невинно осужденными социальными Горьким послал телеграмму протеста. Это вызвало взрыв ярости реакционных кругов.

В желтой прессе началось погоня против Горького. Прием в Белом Доме был отменен.

Реакционные круги искали нововода для травли. Его нашел репортер «New York world». Ему помогал царский посланец в Вашингтоне — группа политических авантюристов-сервов на главе со ставшим впоследствии безобразником Чайковским. Газета

«Уорлд» начала распространять грязную клевету о Горьком. Ее подхватили остальные прожаренные американские газеты. Агентство «Ассошиэтид Пресс» распространило по всей стране клеветническую телеграмму мракотеса-сенатора из Миннесоты Клутона Нельсона. Вскоре редактор этого агентства из рук русского пригрозил орден за особые услуги.

Травля велась, как говорил Алексей Максимович, с американским размахом, в тридцать три этажа. Реакционеры рассчитывали, что Горький не выдержит и покинет Америку. Травля желтой прессой переросла в угрозу физической расправы с писателем.

Горький остановился в отеле «Белклер». Здесь ночью, во время его возвращения с одного из многочисленных митингов, разыгралась нелепая сцена. Администрация отеля учинила погром, выбросив вещи писателя, причем впоследствии, кстати, обнаружилось и провала золотых часов. Приказ реакции распространялся повсюду. Остальные владельцы отелей Нью-Йорка действовали в едином согласии — не принимать Горького! К клевете желтой прессы и гонимости владельцев отелей присоединилась еще волна таргофов в раслах. Священники «громил» писателя с церковных кафедр.

Американские реакционеры намеревались запугать Горького. Но писатель прощитался в своих расчетах. Алексей Максимович сообщил Б. Пятницкому о множестве телеграмм, полученных им из Франции, Италии, Финляндии, Германии и других стран с выражением протеста против реакционной травли. Поступали сотни предложений от рабочих, интеллигентов и фермеров с просьбой посетить у них.

В американской печати стали раззаваться голоса передовых людей мира против преследования. Одним из первых выступил Джей Лондон. Американская реакция вынуждена была искать путей отступления.

Алексей Максимович писал, что реакционеры более всего раздражает его презрение к лживым, подвешенной желтой прессы.

Но еще более беспокоило американскую реакцию то, что Горький на весь мир говорил о «Новом Свете», разоблачая легенду о его «демократии», «культуре», «свободе». Ни один писатель мира не сказал столько бесподобной правды о жадности аме-

К магазину Когиза под'езжает автомашина...

Обзор писем, читателей

«... я, — пишет он, — до сих пор не получил 33-го и 39-го томов. В течение двух лет я обращаюсь к работникам Саратовского отделения Когиза и всегда получаю один и тот же ответ: на складе Когиза этих томов нет. Поищите их на рынке».

А куда, любезный, книготорговцы посоветуют обратиться, харьковским читателем, подписавшимся на собраниях соотечественников Чехова и Мопассана? Неужели тоже на рынок? Бригада работников Харьковского облисполкома (т.т. Фарфел, Копейчиков, Сосновский и Лавочкина) сигнализирует нам о возмутительном голобопытстве!

«В декабре прошлого года по железно-дорожной накладной № 671619 вместе 36 экземпляров сельского тома сочинений Чехова и 90 экземпляров шестого тома сочинений Мопассана работники базы Когиза для тождественности веса уложили 160 экземпляров брошюры Немова «Хозяйство эконома». 36 экземпляров книги Витте-ва «За безжалостность» и сотни раз-ных брошюр. В результате — десятки подписчиков не получили книг Чехова и Мопассана...»

А как же быть в тех пунктах, где я вовсе не книжных магазинов? Вот, например, в городе Талица Свердловской области? Нам пишет отсюда тов. Випняков:

«В нашем городе ни на одно издание художественной литературы не принимается подписка. Поешть в Свердловске — и там ничего не добьешься. Где же нам, учителям, подписаться на новые книги? Как завязать связь с существовавшей до войны организацией «Книга—почтой»? Город Колданий Литовской ССР в лучшем положении, нежели Талица. В нем имеется книжный магазин. Но, как пишет нам тов. Боролю, этот магазин:

«... в течение недели торгует не больше пятидесяти минут. Книг нет, и торговать нечем. Где же купить книгу? Когиза-то в Москве существовала такая организация, «Книга—почтой», но сейчас она похоронена».

И тов. Боролю, и тов. Випняков, и многие другие почему-то пишут о «Книге—почтой», как о дорогом покойнике. А ведь ходят упорные слухи, что она не только существует, но и проявляет какие-то признаки деятельности. По шестому то-му мы ищем в радиопередачах или печат-ных изданиях объявлений о ее существова-нии. Дождаемся человека по старой на-писи: прислать в Москву заказ, — его ста-нет. Заказ постараются выполнить. Но оповещать о своем существовании «Книга—почтой» по каким-то неведомым причинам не спешит. Что это? Скрываемость, растер-янность или боязнь излишних хлопот?

Положение в книжной торговле явно не-благополучно. Союз советских писателей и и его орган «Литературная газета» счи-тают дело продвижения книги к читателю своим крошечным делом. Союзная правле-нием Союза писателей и «Литературной газетой» комиссия уже приступила к про-верке организации книжной торговли в Москве. В ближайшем же времени писательские бригады выедут в города и сельские рай-оны страны. Книжки должны доходить до читателей без задержек и без разрозненней-ших «сучек» и «урусок» в пути — на-чиная от типографии и кончая книжным прилавком.

Тов. Артемин пишет нам от имени неф-тяников Грозного:

«Желаем вам, товарищи писатели, что-бы работа ваших бригад, вступающих в область распространения книги, была бы «глубокой бурей», а не случайной вспышкой, чтобы результат этой работы был положительным».

Писатели принимают этот читательский наказ к неуклонному исполнению.

Л. ЛАГИН.

А. ДУНАЕВСКИЙ.

«... ленинградские подписчики уже пре-дупреждены: первый и пятнадцатый то-мы выпущены не будут. А выдача остальных то-мов не гарантируется».

Саратовскому профессору тов. Штерну в свое время повезло больше: у него при-няли подписку на большую советскую э-нциклопедию без всяких предупреждений, но...

«... ленинградские подписчики уже пре-дупреждены: первый и пятнадцатый то-мы выпущены не будут. А выдача остальных то-мов не гарантируется».

Саратовскому профессору тов. Штерну в свое время повезло больше: у него при-няли подписку на большую советскую э-нциклопедию без всяких предупреждений, но...

«... ленинградские подписчики уже пре-дупреждены: первый и пятнадцатый то-мы выпущены не будут. А выдача остальных то-мов не гарантируется».

Саратовскому профессору тов. Штерну в свое время повезло больше: у него при-няли подписку на большую советскую э-нциклопедию без всяких предупреждений, но...

«... ленинградские подписчики уже пре-дупреждены: первый и пятнадцатый то-мы выпущены не будут. А выдача остальных то-мов не гарантируется».

Саратовскому профессору тов. Штерну в свое время повезло больше: у него при-няли подписку на большую советскую э-нциклопедию без всяких предупреждений, но...

«... ленинградские подписчики уже пре-дупреждены: первый и пятнадцатый то-мы выпущены не будут. А выдача остальных то-мов не гарантируется».

Саратовскому профессору тов. Штерну в свое время повезло больше: у него при-няли подписку на большую советскую э-нциклопедию без всяких предупреждений, но...

«... ленинградские подписчики уже пре-дупреждены: первый и пятнадцатый то-мы выпущены не будут. А выдача остальных то-мов не гарантируется».

Саратовскому профессору тов. Штерну в свое время повезло больше: у него при-няли подписку на большую советскую э-нциклопедию без всяких предупреждений, но...

«... ленинградские подписчики уже пре-дупреждены: первый и пятнадцатый то-мы выпущены не будут. А выдача остальных то-мов не гарантируется».

Саратовскому профессору тов. Штерну в свое время повезло больше: у него при-няли подписку на большую советскую э-нциклопедию без всяких предупреждений, но...

«... ленинградские подписчики уже пре-дупреждены: первый и пятнадцатый то-мы выпущены не будут. А выдача остальных то-мов не гарантируется».

Саратовскому профессору тов. Штерну в свое время повезло больше: у него при-няли подписку на большую советскую э-нциклопедию без всяких предупреждений, но...

«... ленинградские подписчики уже пре-дупреждены: первый и пятнадцатый то-мы выпущены не будут. А выдача остальных то-мов не гарантируется».

Саратовскому профессору тов. Штерну в свое время повезло больше: у него при-няли подписку на большую советскую э-нциклопедию без всяких предупреждений, но...

«... ленинградские подписчики уже пре-дупреждены: первый и пятнадцатый то-мы выпущены не будут. А выдача остальных то-мов не гарантируется».

Саратовскому профессору тов. Штерну в свое время повезло больше: у него при-няли подписку на большую советскую э-нциклопедию без всяких предупреждений, но...

«... ленинградские подписчики уже пре-дупреждены: первый и пятнадцатый то-мы выпущены не будут. А выдача остальных то-мов не гарантируется».

В Вашингтонском притоне

Это было в знаменательные февральские дни 1944 года.

Через заснеженные степи, наперекор стуже и непогоде, советские войска приближались к государственной границе СССР. Простые люди Старого Света — французы, чехи, сербы, бельгийцы, датчане — застали дыхание: армия освобождения стояла у ворот Европы.

И вот в те памятные дни, когда над европейскими равнинами, обгоревшими кровью миллионов жертв немецкого фашизма, беснуясь дождливым лучом освобождения, в центре Европы, у подножия швейцарских Альп, в модном курортном городке раздался восторженный крик касмерты перепуганного человека:

— Остановите русских!

«Остановите русских!» — именно к этому сводился смысл книги, принадлежавшей перу обитателя фешишенебной швейцарской курортной, которая в те дни вышла в Берне. Автором книги был Григорий Гафенку, в прошлом румынский министр иностранных дел и посол в Москве.

Имя Гафенку неразрывно связано с предисторией румынского фашизма. Данный в последовательный сподвижник Ману, он всю свою деятельность подчинил основной цели маньестской партии: духовно склать трудовой народ Румынии, предотвратить возможность социального разрыва. В немалой степени он содействовал установлению диктатуры Антонеску. Благодаря тому Гафенку взял на себя труд заложить основы взаимопонимания между странами «оси» еще до прихода к власти Антонеску. Для этого Гафенку посетил в 1939 году Гитлера, Муссолини и их английско-французских сподвижников — Чемберлена и Даладе.

Нет ничего удивительного в том, что после установления в Румынии фашистской диктатуры Гафенку получил особо ответственную пост посла в Москве. Гафенку не скрывает, что в своей деятельности в Советском Союзе он искал поддержки у итапо-германских коллег, с которыми, судя по книге, у него были весьма близкие отношения. Он признает даже, что, когда румынское министерство иностранных дел предлагало правительству отозвать его, немцы и итальянцы воспринимали этому, и Гафенку пробил на посту посла вплоть до начала второй мировой войны.

В отличие от некоторых своих коллег, предсказывавших «скорую гибель» советской державы, Гафенку не придерживался столь категорического мнения, — очевидно, пребывая в Москве помимо ему на пользу. Возвратившись из СССР, он, видимо, решил занять выжидательную позицию и временно поселился в Швейцарию. Это на кой мере не мешало его хорошим отношениям с немцами и тогдашним буржуазным правительством. В знак благодарности за услуги, которые оказал Гафенку и тем и другим, правительство Антонеску бережно относилось к весьма обширной собственности Гафенку, которая давала ему значительные доходы.

Сидя на своем швейцарском Олимпе, Гафенку не оставлял румынских дел, забрасывая буржуазных друзей письмами. К его опыту и соответствующим знаниям все чаще обращался Михай Антонеску, неслучайно советником которого, по существу, был Гафенку в последние годы. В этой связи закономерна позиция Гафенку во время войны: он безмолвствовал, одобряя захват немцами европейских государств. Но едва Советская Армия-освободительница приблизилась к границам европейских стран, он встал.

Страх пролив в его сознание — страх перед опасностью народного взрыва.

Вот почему он завопил: «Остановите русских!»

«Худшее, чего опасался Гафенку, произошло: румынский народ обрел долгожданную свободу. Очевидно, удар был в такой мере чувствителен, что на некоторое время Гафенку словно ослепел. Потом он обнаружил признаки жизни — ему показались, что не все еще потеряно. В его уме возник план создания некоего эмигрантского правительства. Он кликнул кич.

Но мало что отказывая на призыв Гафенку. Прибыло, как их тогда называли в иностранной прессе, «трое бегущих»: бывший посол в Лондоне Тия, бывший министр иностранных дел Випоану и Никулеску-Бузешть.

Прямо скажем: выбор небогатый.

Бывший румынский посол в Лондоне Тия больше известен у себя на родине в качестве председателя футбольной ассоциации, чем в качестве дипломата. Что касается Випоану, то, будучи профессиональным дипломатом, он всю жизнь добывал средства с помощью финансовых афер: он и в этот раз попал в Швейцарию, предварительно выказав из кассы румынского правительства крупную сумму. Наконец Никулеску-Бузешть — он в течение своей довольно продолжительной дипломатической карьеры не пополнился выше посланника в лимитрофном государстве — на пост министра иностранных дел попал совершенно случайно и, пробыв на этом посту несколько больше двух месяцев, исчез в небытие.

Однако несведущие новые сподвижники Гафенку выдвинули серьезные возражения против того, чтобы он возглавлял румынский зарубежный центр. Они заявили, что Гафенку безнадёжно скомпрометировал себя и на родине и за границей связями с немцами и Михаилом Антонеску. Это было очевидным даже для таких мажорных реакционеров, какими являются Випоану, Тия и Никулеску-Бузешть.

Возник вопрос: кто же станет во главе румынской эмиграции? Как ни старались зарубежные сподвижники Ману отыскать «безупречно честную» личность, за которой бы «пошла масса», никого «честнее и безупречнее» генерала Радеску они не нашли.

До декабря 1944 года генерал Радеску был мало известен даже в румынских политических кругах. В свое время Радеску занимал пост военного атташе в Лондоне, личное же там не проявил. Узкий круг лондонских друзей Радеску знал, что генерал был человеком весьма реакционных взглядов, считающим, что народ необходимо держать в «железных рукавцах». Очевидно, эти качества Радеску сыграли роль при назначении его премьер-министром.

Под напором масс в декабре 1944 года конституция устояла правительства Санатеску. Ману обитали премьер в отсутствие достаточной твердости по отношению к коммунистам и народу. Мануисты решили заменить Санатеску лицом, которое сумело бы внушить народу страх. Было названо имя Радеску.

Прежде чем приступить к исполнению своих обязанностей, новый премьер произнес речь, полную угроз по адресу народа. Вслед за этим он устроил в центре Бухареста, на Дворцовой площади, страшное побоище, встретив безоружные толпы трудящихся пулеметным огнем. Он лично руководил расстрелом рабочей демонстрации.

Едва эта весть стала известна в стране, «красный гнев» охватил народ. Боясь кары, Радеску оставил свой пост и бежал в... английское посольство, совершенно определенно показав этим, что направлял его преступную руку. Сильным чудовищным было преступление Радеску, чтобы он мог безбоязненно выбраться из своего логова и показаться на глаза народу. Поэтому, уловив момент, покровители Радеску переправили его на один из островов в Средиземном море, откуда он перекочевал в Португалию. Так закончил свою миссию этот скороспелый румынский диктатор, принявший за два месяца пребывания на посту премьера столько горя народу.

В наши дни все регенаты и политические холопы, независимо от того, немецкие, английские или американские, клеймом или мечены, устремляются за океан, стремясь заподолить помощь и благоволение долларового божка. И вот впереворочил, талс друг друга, устремившись в Америку — и немецкий холоп Гафенку, и английский холоп Радеску: один через Лиссабон, другой через Гавр. Что говорить, каждый из них связывал со своим путешествием сокровенные надежды.

Соединенные Штаты встретили новоявленных спасителей Румынии красноречивым равнодушием. Комментируя их приезд в Нью-Йорк, крупная американская пресса весьма определенно дала понять, что в Америке слишком хорошо знают и

Гафенку и Радеску, чтобы не тратить денег попусту... Поэтому, если все-таки говорить об известных расходах на румынские дела, то американские бизнесмены, может быть, пойдут на это, если румынское движение за рубежом возглавит экс-король Михай. Может быть...

В Европу полетели телеграммы: в Нью-Йорк требуют самого экс-короля. И бывший румынский монарх стал собирать чемоданы.

Приезд Михая предшествовала шумная кампания в прессе. Газеты не скупилась на краски. В стремлении возвысить короля печатались его качества, приписывание которых незадачливому королю, — у людей, знающих румынского экс-монарха, могли вызвать только улыбку: он представлялся человеком кипучей энергии, высоких интеллектуальных качеств, и что имело особое значение для американского обывателя, редкой предприимчивости. Была максимально обиграна внешность экс-короля: его портреты не сходили с газетных страниц.

Но вот английский корабль «Куин Элизабет», на котором прибыл экс-монарх, вошел в нью-йоркский порт. Михай был приглашен на пресс-конференцию, и страшное смущение охватило добрую сотню собравшихся репортеров.

Перед их взором предстала личность, которая действительно производила впечатление величавой осязкой, однако, лишь до тех пор, пока кралла молчание. Экс-король начал говорить, и впечатление, произведенное его внешностью, стало катастрофически рушиться. К концу предельно лаконичной речи Михая журналисты увидели перед собой, не существу, другого человека...

Что скрывать, экс-король не производил впечатления призванного вождя! Его односложные ответы не выдавали ни ума, ни особой озабоченности. Это впечатление усиливалось манерой Михая говорить. Человек исполненного рта, он изложил: речь его убийственно монотонна и невнятна. Люди, которым приходилось слушать Михая, хорошо знают, что когда экс-монарх говорит, кажется, что ничего в его речи не принадлежит ему, — он просто пересказывает, записывая и сбываясь с текста, плохо заученные чужие мысли.

Видимо, поэтому рядом с Михаилом постоянно находится его мать, экс-королева Елена, готовая помочь сыну преодолеть неловкость, которую он мастер создавал малоразумительными ответами.

На пресс-конференции в Англии, едва экс-монарх прочел текст своего заявления, которое буржуазная пресса с таким нетерпением ждала в течение пяти недель (лондонские газеты заявляли: «Он читал этот текст, записавшись и останавливаясь, будто никогда не был знаком с ним прежде»), место Михая заняла его мать, и сама продолжала беседу с корреспондентами. В Нью-Йорке экс-королева Елена сразу же поместилась на пресс-конференции рядом с сыном и все время, по замечанию американских газет, «непрерывно вмешивалась в беседу». Потом мама вошла свое чадо, которое в 26 лет никак не обретет совершеннолетия, на банкет, а в прошлую среду — в Белый Дом для встречи с президентом Трумэн.

В высказываниях американской прессы сквозит плохо скрытая протия: «Это не то!» Румынский экс-король явно не произвел впечатления. Расчетливые бизнесмены с Уолл-стрит осторожно оценивают «акции» бывшего румынского монарха...

Неизвестно, как долго будет продолжаться в Америке возня с румынским экс-королем, которая не принесет славы ни ему, ни его американским опекунам, но у всех честных людей мира она вызывает чувство омерзения. После отечества Михая пропало три месяца, и единственно, чего хочет народ Румынии, это чтобы республика становилась все сильнее. Что же, следовательно, может быть большим кощунством, чем стремление в наш век величайшего толжества человеческого разума послать на эту суверенному народу прусского Митрофанушку?

Именно об этом мечтают Трумэн и Маршалл, которым нет дела до судьбы и воли румынского народа. Именно поэтому американские полжизни войны собрали у себя весь этот межгосударственный сброс — людей без совести, чести и родины, сохранив своеобразный политический притон в Вашингтоне.

Викт. БОЛХОВИТИНОВ, Вас. ЗАХАРЧЕНКО.

В мире бредовой фантастики

Американский писатель Р. Ф. Джонс, написавший книгу в области «научной» фантастики, пытается притвориться перед читателями завесу грядущего. Все свое пыльное воображение он вкладывает в описание машины, перед которой выстраиваются матери с новорожденными детьми.

Машина проглатывает ребенка. Сотни приборов, расположенных внутри нее, исследуют склонности, способности, характер и прочие задатки будущего человека. Машина не знает компромиссов. Если она признала ребенка полноценным, то тут же выбрасывает его обратно в материнские руки; если она обнаруживает в ребенке данные «сверхчеловека», то мать больше не увидит свое дитя. Его отправят в «параллельный наш мир», где будут расти без помощи родителей. И горе младенцу, которого машина сочтет неполноценным. Он подлежит немедленному уничтожению. Но «научному» предвидению Джонса, густая сеть таких машин покрывает землю будущего.

Этот чудовищный по своей открытой фашистской тенденции рассказ, под оптимистическим названием «Возрождение», напечатан в американском журнале «Astounding» («Поразительное»).

Фашистские откровения Джонса — не случайность в американской научно-фантастической литературе. Возьмем любую из множества книжек в ящиках, красочных обложках, которые предпринимательские издате-

ли выбрасывают на книжный рынок Америки в миллионных тиражах. С их страниц глядит страшный мир, словно порожденный болыим воображением сумасшедшего, мир бредовой фантастики. Марам, духовное рабство, боязнь сегодняшнего дня, ужас перед грядущим, все, чем неизлечимо болен капитализм, отчетливо запечаталось здесь.

В своем научно-фантастическом бреду американские авторы выбалтывают тайные тайны империализма. С бесстыдной развязностью они выносят на поверхность то, что так называемая «большая литература» пока еще старается подавать в завуалированной форме.

Лакон Уолл-стрит в лихвое научно-фантастическое писателя в первую очередь выполняют главный заказ своих боссов — любыми средствами убеждать читателей в необходимости капиталистического строя. Волны порядки капитализма, так называемая «американская образ жизни», изображаются писателями-фантастами неизменными не только для всех времен и для всех народов, населяющих Землю. На какую бы планету ни занесли автор своих героев, всюду он обнаружит мир, построенный по американскому образцу и подобию.

В рассказе «Тайственный мир» Э. Биндера банит Нора, следуя традициям своих члгаских коллег, прятет межпланетное такси и увозит изобретателя Тома и красавицу Деллу на неведомую

планету — искать зарытый там пиратский клад. В рассказе Ф. Рессела «Тайна мастера Визеля» восторженно расписываются похождения шпидона, прибывшего с Марса.

Американская научная фантастика в безудержной пропаганде расизма доходит до «высот», которых в свое время мог бы позавидовать Геббельс. Автор рассказа «Длинная жизнь» Джеймсон пытается внушить читателю, что и на Венере существует социальное неравенство, что и там есть «высшие» и «низшие» расы. С отвратительным цинизмом колонизаторы-рабовладельцы он пишет: «Тусемус Венера ленивы, распутны и бессовестны. Тусемус — врожденный лгуны и вор, он нестерпим на язык и руку, нечестен в поступках. Труды он не любит, к физическому болн равнодушен, к мышлению совершенно неспособен».

Доллар, писатель и кулак действуют всюду — на самых далеких планетах, в космической пыли галактики. Выполняя заказ хозяев с Уолл-стрит, писатели пропагандируют войну, как основу жизни, как естественное состояние планеты. В романе «Тройная судьба» Ф. Лейбер описывает жестокою, нескончаемую войну, которую ведет между собой две великие нации, подготовившие все остальные. Их непостоянно подстегивает мысль о том, что войну надо продолжать, иначе все прежние жертвы окажутся бесполезными. В «Огнях Марса» Ф. Джайлс, рассказывая о будущем, видит войну не только на Земле, но и на Марсе.

Для подкрепления пропаганды могуте ства военной машины империализма, «научные» фантасты Америки безудержно прозят атомным путомом. Р. Уэймар в рассказе «Невероятные камешки» опи-

Повести-пересказы

История народов Советского Союза, их национальные особенности поэтически запечатлены в народном эпосе, в грандиозных поэмах великих поэтов прошлого. Многие эпические произведения народов Советского Союза и поэмы, созданные такими гениями, как Назим, Руставели и Навои, уже переведены на русский язык коллективами поэтов-переводчиков.

Образ пареня Фатхалла, юности, одаренного всеми мыслимыми совершенствами, во с первых дней своей жизни одержимого благородной печалью; юности, который сочувствует страждущим и угнетенным и во имя любви к человечеству совершает великий трудовой подвиг, — один из любимых образов средневековой восточной поэзии. Многие поэты Востока разрабатывали этот образ. В величественной поэме Навои он достиг, пожалуй, наиболее яркого выражения. Печаль, сопутствующая Фатхалу с первых дней рождения, получила у Навои философское объяснение: она порождена трагическим восприятием несовершенства современной Фатхалу действительности.

В образе Фатхалла, титана, пробивающегося гранитные горы, проводящего арыки на вершину горы, воздвигающего грандиозный замок, узбекский народ узнает себя. Не случайно имя Фатхалла присвоено одной из самых грандиозных строк Узбекистана. Перевод этой поэмы на русский язык открыл русским читателям духовный мир братского узбекского народа. Работа эта с большой любовью, тщательностью и поэтическим мастерством была в свое время выполнена переводчиком Львом Пелькисом.

Фатхал в повести П. Слюсарева — не совсем. Фатхал Навои. Связь событий их миром сохранена в повести, но с первых же ее страниц бросается в глаза новый элемент, которого нет в поэме Навои.

Первая глава повести начинается сценной рожденья Фатхалла, отсутствующей в поэме. Эта сцена носит совершенно реалистический характер, несмотря на то, что П. Слюсарев отнюдь не устраняет прямых сказочных восточной поэтики, свойственных поэме Навои. Фатхал в повести также растет со сказочной быстротой.

Сохраняя нравственный образ Фатхалла, данный в поэме, П. Слюсарев реалистически истолковал его психологию. Нельзя сказать, что это реалистическое истолкование отличается особенной глубиной. И все же для нашего читателя — читателя массового, подчас не очень искусственного в изучении далекого прошлого, воспитанного на художественной реалистической прозе девятнадцатого-двадцатого веков и в особенности прозе советской, реалистическое приемы повести-пересказа П. Слюсарева позволяют усвоить то ценное, что заключено в выхоном образе, который создал Навои в своей поэме. Тот, кто не прочтет «Фатхалла и Ширин» в поэмы, так как самый прием письма покажется ему абстрактным, порою аллюзорически затемненным, порою слишком изощренным, тот после прочтения повести «Фатхал» обязательно вернется к оригиналу. Именно в этом значение работы П. Слюсарева.

Повесть П. Слюсарева отнюдь не замечает нуюми великого Навои. Сохраняя общий смысл поэмы, П. Слюсарев не переклад, да и не стремился передать и сохранить ее философское содержание. Но то, что прочтет повесть, подойдет к восприятию поэмы подготовленным.

Образ богатыря Манаса киргизский народ создал, очевидно, в те далекие времена, когда Средняя Азия была вольницей и орбиту завоевательной политики Китая. Напрягая все силы в борьбе со страшным врагом, киргизский народ воплотил в образе Манаса уверенность в своей конечной победе над многовековыми насильниками и захватчиками.

На киргизский эпос в том виде, в каком мы его знаем, наложила глубокую печать ислам с его идеей священной войны за мусульманство. Ветхий поход — часть эпоса, которая залая на русском языке, заканчивается апофеозом ислама.

Особовит гениальное создание киргизского народа от искажающего влияния реакционной религии, по существу чуждой

Петр Слюсарев. «Фатхал». В книге «Ваш покорный слуга», «Советский писатель», М. 1947 г. 320 стр.

Семён Липкин. «Манас великодушный». «Советский писатель», М. 1947 г. 220 стр.

Связав будущую фабрику атомных бомб, куда забрался, сделав мистический скачок во времени, придурковатый мальчишка с рогаткой. Мальчишка стреляет из рогатки атомными бомбами, словно камешками. Хулиган с атомной рогаткой — не это ли символ современного империализма?

Стремясь увести читателя от «вредных» размышлений о причине социальных зол, американские издательства выпускают серии страшных рассказов с «потусторонней» тематикой: телепатией, перевоплощением, распадом памяти. Авторы эти «научно-фантастические» произведений делают все от них зависящее, чтобы развратить и обмануть читателя. Они предсказывают полное уничтожение материи, которую заменит дух в виде «сгустков мыслей» энергии. Подчас «научные» математические научные теории, неведущие из американских журналов приходят к утверждению о существовании потусторонних миров в четвертом измерении. Так, в рассказе де-Курса «Он не люди» выступает «бессмертный» выходец из могилы, который только притворяется живым человеком. В рассказе Малларда «Хрустальные агрессоры» действуют бессмертные существа — «сгустки чистой энергии», питающиеся нервыми токами людей, возбуждающие в них эмоции страха, гнева, ненависти и прочие бредовые.

Массовыми тиражами выпускаются писания адептов мракобеса Шавера — дикая смесь мистики и сальзма в фантастическом духе. В своих повестях Шавер навязчиво твердит, что все непорядки на Земле происходят от вмешательства «демонов», невероятной древней, невероятной ученой сверхрасы, некогда владычествовавшей на Земле, но постепенно загнаны

и мало усвоенной киргизами, сняты с эпоса покровы мусульманского фантазма и подчеркнуты заключенные в нем мотивы борьбы киргизского народа с угнетателями — такую пель поставил С. Липкин при создании повести «Манас великодушный». Выполнив эту задачу, автор, переложения утверждал и расширял элементы исторической и психологической правды, заложенные в эпосе, и сумел использовать исторические факты, чтобы развить основную сюжетную линию повести.

Манас — фигура легендарная. Но на основании социальных, бытовых и психологических деталей, которые заключены в эпосе, С. Липкин прояснил время действия, обрисовал развитие характера народного героя. Перех паки свобододолюбивый народ, который отстаивает свою независимость от азиатской деспотии. Характер Манаса в эпосе, как нередко бывает с героями народных сказаний, почти лишен развития. С. Липкин, сохраняя колорит сказочности, придал характеру Манаса те черты развития, которые обязательны для реалистического изображения характера. Пользуясь скупными намеками эпоса, С. Липкин сумел нарисовать картину детства Манаса, его первых подвигов и показать, как зарождалась и крепла ненависть Манаса к угнетателям. Иногда эпос, данный в эпосе тому или иному киргизскому богатырю, служит для С. Липкина указанием, на основе которого он изображает характер. Так создается целая галерея спланированных Манаса, его родичей и врагов.

В полном соответствии с историей Китая С. Липкин сделал дуга Манаса Алаамбетом предводителем одного из мощных социальных движений, которые не раз сотрясали китайскую империю.

И когда Алаамбет в повести превращается в предводителя движения черной кости и победоносно утверждает справедливый социальный порядок в своем ханстве Там-Бопре, читатель оказывается вполне подготовленным к этому, потому что перед ним, — правда, необычайный, но вполне реально развивающийся характер. В повести, так же, как и в эпосе, Алаамбет переходит на сторону киргизов, но лишь после разгрома возглавляемого им движения черной кости. Он отравляется искать Манаса, которому предопределено разбить ненавистную Алаамбету китайскую деспотию. Изображение Битая, одновременно и сказочно-фантастическое и реальное, — одна из больших удач книги. Китай в повести Липкина реален, так как автор воссоздает перед нами социальные условия, в которых могли произойти описываемые в ней исторические события. Сказочно преувеличенные подвиги героев, необычайные персонажи, вроде князя-лового злодей, царейства Алаамбета, покаяния С. Липкина по фоне исторически возможной действительности. Это позволило автору переложения реалистически обосновать деятельность героев эпоса и правдоподобно показать их характеры и психологию. Манас, Алаамбет и другие действующие лица эпоса, конечно, существовали еще задолго до того, как мусульманское духовенство загрозило их светлые образы, созданные народным гением, постаравшись превратить их в фанатических приверженцев ислама. С. Липкин сумел в повести о «Манасе великодушном» оживить эти образы от мрачного извращенного отпечатка, который наложила на народный эпос волюнтаристский ислам.

Текст «Манаса» никогда не был канонизирован. Сказители-певцы сделали пересказ «Манаса» целью своей жизни; на киргизском языке их именуется «манасчи», что обозначает их поэтическую специальность. «Манасчи» все время совершенствовались поэму. С. Липкин продолжал их работу. И единственно серьезный упрек, который, пожалуй, могли бы сделать советскому «манасчи» его предшественники, это то, что С. Липкин не ведале удалось передать колорит суровости, свойственной эпосу.

П. Слюсарев и С. Липкин сделали большое и нужное дело. Их трудами новый жанр повести-пересказа утверждает себя, как нужный нашему читателю, особенно советскому юношеству, которому пересказы эпоса народов СССР должны помочь ознакомиться с культурой братских народов нашего Союза.

Характерна в этом отношении повесть Э. Биндера «Адам Линк спасает мир». Адам Линк — это робот, мозг которого; состоящий из губчатого ирридия, могущественнее мозга человека. В войне с чудовищами, ползущими с Сириуса, он ведет за собой к победе стада тупых и беспощадных людей. Кстати, авторы не забыли дать роботу Адаму жену-робота — Еву.

Рассказ Дель-Роя «Мечта бессмертна» оканчивается полным торжеством роботов. Все человечество вымирает, лишь на одной далекой планете живут и размножаются

пной со всеми своими машинами в подземные пещеры, на огромную глубину. Лемуры ненавидят людей и мечтают вернуть себе власть над миром. Для этого они воздействуют на людей особыми лучами, внушая им антиобщественные мысли и поступки, побуждая их к войнам для взаимного истребления.

Авторы всей этой архипрекационной, крикливо-развязной стринии, однако, не могут скрыть того страха перед будущим, который охватил капиталистический мир. Капиталисты, аксиоматизирующие и угнетающие человека, боятся этого человека. Они хотели бы, чтобы на их заводах вместо людей работали безропотные автоматы. И вот, в угоду своим хозяевам, поставщики научной фантастики выводят на сцену армию роботов, которые благодаря своему весьма совершенному устройству вытесняют с заводов живых людей.

Характерна в этом отношении повесть Э. Биндера «Адам Линк спасает мир». Адам Линк — это робот, мозг которого; состоящий из губчатого ирридия, могущественнее мозга человека. В войне с чудовищами, ползущими с Сириуса, он ведет за собой к победе стада тупых и беспощадных людей. Кстати, авторы не забыли дать роботу Адаму жену-робота — Еву.

Рассказ Дель-Роя «Мечта бессмертна» оканчивается полным торжеством роботов. Все человечество вымирает, лишь на одной далекой планете живут и размножаются

Найдена могила Д. Гурамишвили

КИЕВ. (Наш корр.). Специальная комиссия Совета Министров Украины окончательно установила место, где покоится прах одного из самых выдающихся поэтов Грузии — Давида Гурамишвили, умершего 166 лет назад на Украине. Поиски останков поэта были предметом многолетних научно-исследовательских работ ученых Грузии и Украины.

Могила Гурамишвили находится на окраине Миргорода, на перекрестке Сорочинской и Полтавской улиц, на старом кладбище у самой дороги.

Нижне мы печатаем рассказ члена правительственной комиссии Украинской ССР писателя В. Кучера о глубоких научных исследованиях, которые привели ученых на окраину Миргорода.

«Давид Гурамишвили бежал из лежнического плена, присоединившись к свято Бахтанга VI, который вышел из Грузии в надежде на помощь русского правительства в борьбе против персидско-турецких захватчиков, поработавших Грузию. В 1730 году Гурамишвили, попав в Москву, поступил на службу в Ахтарский гусарский полк, сформированный из грузин. В рядах этого полка он воевал против немечко-прусских войск, а также участвовал в боях под Хотином (1739 г.) и в битве со шведами (1742 г.). В 1757 году Гурамишвили воевал против Пруссии и, попав в плен, долго томился в Магдебургской крепости.

Приехав с войны инвалидом и стариком, поэт не переставал мечтать о возвращении в родную Грузию. Но долгие годы, прожившие на Украине, сблизили его с украинским народом. Украина стала для Гурамишвили родной землей. Тут он создал свою бессмертную книгу «Давитиани», в которой ярко проступают мелодия и сюжет, навеянные новой родной поэтой.

Через своего приятеля, ехавшего в Грузию, Давид Гурамишвили передал рукопись «Давитиани». Ее напечатали, и книга стала одним из величайших произведений грузинской поэзии. Но об авторе этих прекрасных стихов никто ничего не знал. Его след вел в Петербург, потом в Москву и терялся где-то на Украине. Этот след был найден лишь спустя почти 150 лет, накануне Великой Отечественной войны.

В книге «Давитиани» есть стихотворение «Зубовка». В рукописи, посланной в Грузию, автор на одной из страниц поместил план меллорации села Зубовки. На картах того времени это село значилось только в одном месте — возле Миргорода. Затем в полтавском архиве была найдена «Ревская сказка» Миргородского уезда за 1783 год, в которой значилось, что Зубовка входит во владения отставного поручика князя Д. Гурамова». Так было установлено, что местом жительства поэта являлся Миргород.

Возможно, что архивы поведали бы еще более ценные детали из жизни поэта, но их сожгли немецкие фашисты, унебая на Полтаву осенью 1943 года.

В Институте литературы Академии наук УССР остались фотографии страниц из книги об умерших, которая была размысана в Лубенском музее перед войной. В этой книге на странице 1-й написано: «Книга метрическая об умерших в Успенской церкви соборной миргородской». На странице 33-й значится: «1792, июль 21. Преставился князь Давид Гурамов покаянием, 95 лет».

Таким образом стали известны не только место погребения Гурамишвили, но и год смерти поэта.

Представители Академии наук Украины — члены специальной правительственной комиссии — подтвердили место погребения грузинского поэта специальным актом.

На могиле Давида Гурамишвили будет поставлен памятник — сердечная дань украинского народа грузинскому творцу гениальных песен, через стократу прокладывавших путь великой дружбе Украины и солнечной Грузии.

На родине поэта, в самых далеких горных селениях, на любом заводе, в колхозе — всюду народ чтит незабываемые произведения своего верного сына. Его бессмертную книгу «Давитиани» знают на память и дети и взрослые. Его стихи поют, перепоют из уст в уста.

«Скоро зацветут сады над Полтавским полем, зашумят тучные поля. И сюда, на могилу Давида Гурамишвили, будут приходить люди и думать о его замечательной родине, которая навеки стала сестрой Украины».

прилетевшие с Земли роботы — металлические люди.

В современном буржуазном мире плоды творчества изобретателей и ученых превращены в объект спекуляции и грабежа, в средство порабощения и эксплуатации. Капитализм приковал изобретателей цепями патентных законов к своей колеснице. Он заставил ученых делать вещи, направленные против человека. Герой современных фантастических повестей чаще всего не изобретатель, а бизнесмен или гавлстер, пользующийся плодами чужих трудов. Наука, по мнению американских делов, — это прежде всего средство обогащения, преступлений, тирании.

У капитализма нет будущего. Время работает против него. Пессимизм сквозит и в научно-фантастической литературе, несмотря на показное богатство ее авторов. Читатель переносит картины очина мира, вырождения, гибели цивилизации.

Откровения, высказанные в бреду разнузданной фантастики, прикрываем